

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ И ПЕРЕВОД

Бытовое общение представителей разных культур (например, русского и европейца – англичанина, немца, француза) часто сопровождается таким явлением, как «культурный шок». Когда участники коммуникации осознают в результате непосредственного контакта определенные расхождения на уровне духовных либо материальных ценностей или менталитета в целом, наступает взаимное непонимание, а нередко и скрытое или явное отторжение непривычного с позиции родной культуры. Термин «культурный шок» ввел в научный оборот в 1960 г. американский ученый Калерво Оберг. В России Воронежская лингвистическая школа (Ю. Э. Прохоров, И. А. Стернин), применив понятие в этнопсихолингвистике, рассмотрела особенности речевого поведения разных языковых общностей и взаимные стереотипы отдельных пар народов [2, 23 – 24]. Современному человеку, который много путешествует, знакомство с анализом поведенческих стереотипов другой нации может быть полезным.

В практике межкультурного общения часто возникают ситуации, выход из которых найти сложно. У лингвистов, работающих в сфере устного перевода (гидов-сопровождающих или синхронистов), в личной «копилке забавных историй» есть примеры того, как порой непредсказуемо иностранцы воспринимают реалии нашей жизни. Переводчик должен осознавать степень своей ответственности, когда на свой страх и риск интерпретирует для своего «подопечного» исторические события или комментирует происходящее.

В моей практике такой показательный случай произошел несколько лет назад. Немецкий общественный деятель, приехав в очередной раз в Минск, увидел из окна автомобиля флаг СССР, который развевался над куполом нового здания музея Великой Отечественной войны. Услышав мое объяснение, что музей переехал в новое здание и можно будет сходить, немец явно был в недоумении. После паузы он спросил: «А почему на крыше музея флаг несуществующего государства? Ведь Союза уже нет». К такому повороту нужно быть готовым, но предвидеть заранее подобные вопросы сложно. В этот момент я поняла, что гость проявил основное качество своего народа – любовь к порядку. Если нет страны, не должно быть и ее флага на городских зданиях. В рамках бытовой беседы мало времени на раздумья, а неудачное объяснение может стоить очень дорого. Самый очевидный ответ прозвучал бы грубо и противоречил широко бытующему мнению о гостеприимстве белорусов. Мы знаем, почему на крыше музея красное знамя, но не можем даже намекнуть об этом нашему гостю из Германии. В таких ситуациях переводчик спасает находчивость.

Можно сказать, например, что поскольку флаг на крыше, то он, как и крыша, часть музея. Немцу такое логичное объяснение будет понятно. Я убедилась в том, что тема войны остается для немцев болезненной, когда в следующий его приезд мы пошли в музей и Ганс стал извиняться перед нами за события с 1939 по 1945 гг., и это при том, что он родился уже в мирное время, а его семья, рискуя жизнью, укрывала в годы Второй мировой французских антифашистов. Путешественники из стран бывшего СССР требуют объяснений у сотрудников парижского музея Армии и Флота, увидев, что российский триколор опущен древком вниз над саркофагом императора Наполеона I вместе со знаменами покоренной Европы. Сотрудники терпеливо объясняют, что раз Кутузов сдал Москву, то выходит, Франция победила.

Такие казусы дополняют наши представления о других народах и разрушают ложные стереотипы о национальном характере, которые, в свою очередь, создаются не только в массовом сознании, но и в художественной литературе. У читателя, независимо от его литературных пристрастий, могут сформироваться искаженные представления о любой сфере зарубежной жизни, так называемые ложные стереотипы. В 1990-е годы во время работы в туристическом агентстве мне приходилось наблюдать, как белорусы возвращаются из тура по Европе с «перевернутым» сознанием. Оказывается, французы любят русскую водку, икру ценят только черную, называют «икра» и привозят в подарок из России и Беларуси.

Тот же немец получил от меня подарок – небольшое ведерко черники. На следующий день я спросила, понравилось ли ему. Он рассказал, что съел ягоды вместо ужина. Я добавила, что черника очень полезна для зрения. Немец посмотрел на меня и ответил: «Надо есть репу, потому что кролики не носят очки». Немцы считают, что для зрения полезна именно репа и что кролики питаются в основном этим корнеплодом, а не морковью, как принято думать у нас.

В целом надо отметить, что в условиях спонтанной коммуникации различные недоразумения разрешаются проще и не имеют таких последствий, как ошибки в переводе русской литературы на европейские языки.

Иностранцы любят и знают русскую литературу. Но они читают ее чаще всего в переводе, и здесь существует две опасности. Первая связана с тем, что каждый переводчик интерпретирует текст с позиций собственной лингвострановедческой компетенции. Его точка зрения не всегда совпадает с авторской, а получатель перевода, то есть читатель, не знающий иностранного языка, никогда не услышит голос самого автора. Второй подвох кроется в том, что уровень интеллектуальной подготовки «усредненного» читателя заведомо ниже, чем у писателя и переводчика. И даже внимательный и вдумчивый читатель в силу ошибочных

представлений о русской жизни понимает некоторые вещи не так, как создатель исходного текста.

Письменный перевод имеет свои критерии качества в зависимости от жанра и стиля, однако у переводчика всегда есть неоспоримое преимущество. Он не ограничен во времени, может подумать сам или обратиться к справочной литературе в случае какого-либо затруднения.

Для примера рассмотрим чрезвычайную ситуацию. Француз воспринимает в условиях ограниченного времени художественный текст, переведенный с русского. Это может быть, допустим, драматическое произведение. В знаменитом театре «Комеди Франсез» в Париже в 1998 году к 100-летию Московского Художественного театра режиссер Ален Франсон поставил спектакль по пьесе А. П. Чехова «Вишневый сад». Над новым переводом специально для данной постановки работали два переводчика – Андре Маркович и Франсуаза Морван. Первый из них – русский по происхождению. Таким образом, вопрос о грамотной интерпретации реалий русской жизни рубежа XIX – XX вв. в самом тексте перевода снят. Однако менталитет типичного француза все же отличается от «загадочной русской души».

Французские зрители могут по-другому воспринять национально-культурный фон драмы русских помещиков. Анализ пьесы Чехова на фоне этнокультурных стандартов, свойственных французам, показывает, что общее понимание действительности у разных народов может сильно отличаться. Адекватный, т. е. полноценный перевод не всегда обеспечивает правильное понимание стереотипов национального сознания и языкового поведения народа.

Для Франции, где аграрный сектор экономики традиционно очень развит, эта тема близка. Литературный мотив сада для французского читателя и зрителя имеет особое значение. Французский стиль известен во всем мире и связан именно с садом: это Версаль под Парижем, Люксембургский сад и сад Тюильри в историческом центре города. Во французской литературе сад становится порой полноправным персонажем, причем его роль в сюжете обусловлена национальной традицией. Достаточно вспомнить, какое место занимает Люксембургский сад в творчестве такого утонченного писателя, как А. Франс. Отрывки из его произведения с описанием сада заучивают наизусть поколения учеников и студентов.

С одной стороны, французы гордятся своим национальным достоянием, а с другой, их менталитет как бы раздваивается на крестьянский и аристократический. Эта черта нашла отражение во французской литературе. Например, Эмма Бовари устанавливает в своем садике солнечные часы, статую и скамейку, а данные предметы идут вразрез с сугубо практическим назначением крестьянского сада. Флоберу этот прием дает возможность косвенно показать, насколько Эмма не вписывается в сельское окружение.

Франция – аграрная страна с прекрасным климатом. Земледелие является основой процветания и залогом развития национального достояния – производства вина и парфюмерии. Сад нужно грамотно проектировать, за садом нужно ухаживать, он должен приносить прибыль.

В пьесе Чехова отчетливо проявляются национальные культурные традиции языкового коллектива. «*Птицы поют в саду*», – говорит Аня [3, 677]. Пение скворцов означает, в первую очередь, что в этом году урожай погибнет и прибыли от сада не будет. В отличие от яблонь в райском саду, а именно так воспринимает свое владение героиня пьесы, вишни не растут сами по себе, их нужно посадить, ухаживать за ними, перерабатывать урожай. Для француза вишневый сад – это место, где надо трудиться. Стоит заметить, что в переводе пьесы на французский активируются дополнительные значения, которые не заложены в оригинале. Во французском языке «скворец» обозначает в переносном смысле легкомысленного человека, вертопраха, какими и являются на самом деле хозяева усадьбы.

Французская нация в высшей степени прагматична, она не оценит такое исконно русское качество, как «неосмотрительность», связанное с надеждой на благоприятный исход в критической для человека ситуации при минимальных усилиях с его стороны. С точки зрения типичного француза, красота бесполезна, если она не приносит реального дохода. Вишневый сад занимает огромную, с точки зрения француза, территорию в 1000 гектаров [3, 680]. Париж занимает 105 кв. км, то есть всего в 10 раз больше. Французу кажется немыслимым, как четыре человека (Раневская, Гаев, Варя и Аня) не смогли разумно распорядиться обширными и плодородными землями и разорились.

Русский человек в конфликтной ситуации с трудом идет на уступки, не умеет договариваться, настаивает на своей правоте, не имея рациональных аргументов, не заботится о комфорте собеседника. Именно так ведут себя хозяева имения. Они не хотят слушать разумные доводы купца Лопахина. «*Если ничего не придумаем, ни к чему не придем*», – говорит Лопахин [3, 680]. Русские пассивно воспринимают действительность, не склонны действовать решительно в критической ситуации, долго «раскачиваются». Как герои в народных сказках, которые не работают и живут за счет неожиданной удачи, Гаев мечтает: «*хорошо бы получить от кого-нибудь наследство*» и придумывает прочие варианты внезапного обогащения [3, 684]. При этом русские враждебно относятся к тем, кто сумел нажить состояние. По поведению Лопахина заметно, что ему стыдно и неловко покупать имение. При том, что Лопахин единственный, кто предлагает варианты спасения усадьбы, никто не испытывает благодарности, ему открыто хамят и прогоняют. Это тоже национальная черта русских. Кто первым теряет терпение и начинает

грубить оппоненту, тот и прав в конфликте. Французского зрителя может удивить эмоциональность Раневской в общении как с равными, так и с нижестоящими. На Западе принято вести разговор в нейтральной манере, чтобы не пугать собеседника внезапными перепадами настроения.

На одном из французских образовательных порталов можно найти анализ чеховской пьесы, которая входит в программу по литературе для средних учебных заведений. Французы воспринимают фамилии персонажей русской литературы как «говорящие», хотя это не всегда так. Фамилию Ермолая Лопахина они интерпретируют как производную от глагола «лопать», будто бы купец «съел» имение своих бывших господ. Русскому читателю вряд ли придет в голову подобное. Учитывая деловую хватку мужика, ставшего почти миллионером, можно связать его фамилию с лопатой. Лопахин говорит про себя: *«со свиным рылом да в калашный ряд»*, *«пишу как свинья»* [3, 673, 692]. Французская лингвокультура не отождествляет свинью с низким социальным происхождением и аморальным поведением, поэтому переводчики передали слова Лопахина буквально.

В первом и последующих переводах пьесы «Вишневый сад» слово «мужик» оставили в транслитерации, так как французы его знают как русскую реалию, связанную с периодом крепостного права. Для них обидным считается слово «крестьянин», тогда как в русском языке оно не имеет выраженной стилистической окраски. В моем присутствии крупный чиновник отчитывал своего шофера и несколько раз повторил: «Ты всего лишь крестьянин, знай свое место», и тот просто побагровел от стыда.

Персонажи пьесы ведут себя как одна семья, позволяя себе вмешиваться в дела друг друга. Такое проявление общинности может вызвать непонимание у француза. Для него высшая ценность – возможность сохранить «личное пространство», не пускать в приватную жизнь посторонних. Например, Петя, вместо того, чтобы закончить свое образование, учит жить Аню. Хотя его можно рассматривать как новый тип героя, по своему менталитету он типичный русский: считает, что старое никуда не годится, а новое (неважно, идея, человек, образ жизни) разом решит все вопросы. Это очень характерно для русских – верить, что у сложной проблемы есть простое и быстрое решение. Нужно только найти авторитетную личность, которая возьмется за дело и примет на себя ответственность. Молодежь в пьесе Чехова отводит эту роль Гаеву, который в принципе не умеет принимать волевые решения. В пьесе «Вишневый сад» обитатели усадьбы ждут, что «авось» все само собой образуется и не нужно будет продавать имение и переезжать.

Французы наверняка не поймут, почему многочисленная прислуга и знакомые знают о финансовых проблемах семьи, почему продажа имения открыто обсуждается даже теми, кого ситуация не касается. У французов не принято, во-первых, перекладывать решение проблем на других, во-вторых,

делиться информацией о доходах. Тема денег считается табуированной в приличном обществе, например, в гостях.

Русские люди обычно считают, что все импортное, особенно французское, несравнимо лучше отечественного, что за границей все особенное. «*Все-таки какое счастье побывать за границей*», – говорит Дуняша [3, 684]. Раневская рассказывает, что жила в Париже на пятом этаже. Что подумает француз? Что русская барыня нанялась в служанки, так как во Франции на самом верхнем этаже живет прислуга либо бедные студенты. С другой стороны, Петя Трофимов спит в бане [3, 676]. Вряд ли французы поймут, как такое возможно и как это определяет социальный статус персонажа. В пьесе Петя произносит монолог, в котором отражена суть русского национального характера: «*Мы философствуем, жалуемся на тоску и пьем водку*» [3, 697]. «*ChiercommeunRusse*» (можно приблизительно перевести «*ныть как русский*», на самом деле выражение неприличное) – вот как французы определяют русский национальный характер. Никогда ни один критик не убедит французского читателя, что Петя Трофимов – главный положительный герой. Кто-то назвал Петю «*облезлый барин*». Во французском переводе читаем: «*оципаный господин*» (unmonsieurdéplumé). Французскому зрителю это обидное прозвище напомнит национальный символ – галльского петуха, задиристую и жизнерадостную птицу. После поражения в войне 1871 года, когда Пруссия аннексировала Эльзас и Лотарингию, появились шутки про «*оципанного петуха*». Перевод, о котором идет речь, был сделан в 1904 году. До того, как Франция после окончания Первой мировой войны в 1918 году восстановила территориальную целостность, ее изображали в виде петуха, потерявшего свои перья.

Петя ведет долгие разговоры с Аней, что называется, «по душам», на серьезные темы, он настроен критично ко всем и ко всему. Француз с симпатичной девушкой будет говорить о ней самой или на общие темы, избегая резких суждений. Для французов нехарактерно лезть в душу собеседнику, а для русских светская беседа означает неискренность, попытку скрыть истинные мысли. Иностранцам нужно классифицировать персонажей, чтобы хоть как-то понять национальный характер. Французская критика определяет персонаж Трофимова как «русский интеллигент».

При этом русские часто пренебрежительно относятся к женщинам, о чем свидетельствуют поговорки и выражения типа «вести себя как баба» и тому подобные. Лопахин говорит Гаеву: «*Баба*»! В переводе читаем: «*Старуха*»! Французы, как и большинство европейцев, с детства приучены уважать женщину, они говорят: «Чего хочет женщина, того хочет Бог». В странах, где католицизм является основной религией, каждую представительницу слабого пола соотносят с Девой Марией и основным праздником считают Рождество, а не Пасху.

Итак, герои русской пьесы глазами французов – то общительные, искренние, бесцеремонные, инертные и в то же время азартные идеалисты.

На переводчика возложена очень важная социально-психологическая роль. В процессе межкультурного общения или восприятия художественного произведения каждая фраза, каждый образ или ассоциация культурно обусловлены. Драматургия тесно связана с разговорной речью. Именно переводчик, как режиссер театра, управляет этим процессом, но он также принимает в нем участие как актер. Как актер он всегда играет второстепенную роль, потому что на первых ролях участники переговоров либо автор и читатель, а как режиссер он работает над тем, чтобы никто не видел, что предшествовало переводу – мгновенное озарение или долгие размышления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вестник Московского университета // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. – 2010. – № 3.

2. Прохоров, Ю. Э., Стернин, И. А. Русское коммуникативное поведение: сб. научных трудов / Ю. Э. Прохоров и др. – М.: Изд-во «Флинта: Наука», 2006. – 238 с.

3. Чехов, А. П. Рассказы. Повести. Пьесы / – Дата доступа: 10.01.2018. Библиотека всемирной литературы: Серия 2. Т. 123 / А. П. Чехов. – М.: Худ. лит., 1974. – 751 с.

4. Darnal-Lesn , F. / La Cerisaie un th atre cr pusculaire ou un envol vers l' ternit  / Conf rence du 3 d cembre 2010 // www.comprendre-tchekhov.fr. – Дата доступа: 10.01.2018.

5. Durand, A. Le comptoir litt raire. «La cerisaie» de Tchekhov. Analyse // www.comptoirlitteraire.com. – Дата доступа: 12.01.2018.

6. Rencontre avec Andr  Markowicz et Fran oise Morvan (ENS-lsh, 15/12/2008) // <http://agon.ens-lyon.fr/index.php?id=801>. — 2008. — Дата доступа: 11.01.2018.

7. Tchekhov, A. P. La cerisaie // https://www.ebooksgratuits.com/pdf/tchekhov_la_cerisaie.pdf. – Дата доступа: 09.01.2018.